

Н.Н. Шевлюк

ПРОФЕССУРА МОРФОЛОГИЧЕСКИХ КАФЕДР МЕДИЦИНСКИХ ВУЗОВ И ФАКУЛЬТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ (ПОВОЛЖЬЕ, УРАЛ, СИБИРЬ). НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА (XIX — начало XXI в.)

Кафедра гистологии, цитологии и эмбриологии (зав. — проф. А.А. Стадников), Оренбургская государственная медицинская академия

В XIX в. обучение врачей происходило на медицинских факультетах университетов, в Военно-медицинской академии, а также на высших женских курсах, организованных в конце XIX в. в ряде городов России. К концу XIX в. на территории Поволжья был один университет — Императорский Казанский (основан в 1804 г.), в Сибири был тоже один университет — Императорский Томский (учреждён в 1878 г. и начал работу в составе одного медицинского факультета в 1888 г.), а на Урале в XIX в. университетов не было. В начале XX в. были открыты Императорские университеты в г. Саратове (Императорский Николаевский в 1909 г.) и в г. Перми (Пермский университет был открыт в 1916 г. вначале как отделение Императорского Санкт-Петербургского университета) [2, 6, 8–10, 14–16].

Бурный рост числа высших медицинских учебных заведений произошёл в Советском Союзе в 20–40-е годы XX в., как за счёт выделения в самостоятельные вузы медицинских факультетов университетов, так и за счёт организации новых медицинских вузов в большинстве крупных городов.

Социальный состав профессуры провинциальных российских вузов в XIX в. был неоднородным: около половины профессоров родились в дворянских семьях, около 30% — составляли выходцы из духовенства, до 10% — выходцы из купечества, несколько процентов приходилось на детей потомственных почётных граждан, а оставшиеся несколько процентов составляли дети крестьян и ремесленников (рабочих) [6, 15, 16].

Приведу некоторые примеры, показывающие социальные истоки профессорско-преподавательского состава морфологических кафедр периферийных российских вузов. Так, экстраординарный профессор по кафедре гистологии Томского университета (в 1888–1895 гг.) А.С. Догель был выходцем из дворян. Из дворян же происходил ординарный профессор зоологии и сравнительной анатомии Томского университета Н.Ф. Кашенко и ординарный профессор гистологии и эмбриологии этого же университета А.Е. Смирнов. В дворянской семье родился и казанский гистолог проф. А.Н. Миславский, а также профессор патологической анатомии (в 1908–1921 гг.) Казанского университета Ф.Я. Чистович. Потомственным дворянином Тверской губернии был Л.А. Малиновский, в 1891–1893 гг. занимавший должность профессора по кафедре топографической анатомии и оперативной хирургии Казанского университета. Из малороссийских дворян происходил профессор анатомии, физиологии и судебной врачебной науки Казанского университета (с января по ноябрь 1806 г.) И.П. Каменский. Из дворян Саратовской губернии происходил профессор

физиологической анатомии Казанского университета (в 1872–1891 гг.) Д.С. Ермолаев. Профессор по кафедре нормальной анатомии Казанского университета в 1909–1919 гг. Д.В. Полумордвинов также родился в дворянской семье [6, 15, 16].

Занимавший в 1824–1830 гг. должность экстраординарного профессора по кафедре анатомии, физиологии и судебной врачебной науки Казанского университета П.С. Карейша родился в семье священника. Ординарный профессор по кафедре нормальной анатомии (с 1837 по 1868 г.) Казанского университета Е.Ф. Аристов происходил из семьи сельского дьячка. Сыном священника был А.М. Фортунатов — ординарный профессор по кафедре физиологической анатомии медицинского факультета Казанского университета в 1891–1904 гг. В семье священника родился Н.Н. Студенский, занимавший в 1884–1887 г. кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии Казанского университета. Из семьи священника происходил и В.И. Разумовский, занимавший в 1887–1891 гг. кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии Казанского университета (затем преподававший на ряде кафедр хирургического профиля этого вуза, впоследствии ставший одним из основателей университета в г. Саратове и его ректором в 1909–1912 гг.). В семье священника, профессора Казанской духовной академии, родился П.М. Красин, заведующий кафедрой топографической анатомии и оперативной хирургии Казанского университета в 1918–1928 гг. В семье священника родился С.Г. Часовников (профессор кафедры гистологии и эмбриологии Томского университета в 1912–1920 гг.), а также профессор по кафедре нормальной анатомии (1888–1895 гг.) этого университета Н.М. Малиев [6, 15, 16].

Служивший в 1871–1903 гг. в должности профессора кафедры гистологии Императорского Казанского университета К.А. Арнштейн родился в купеческой семье. Из купеческой же семьи происходил и занимавший в 1858–1963 гг. должность профессора кафедры нормальной физиологии и общей патологии Казанского университета Ф.В. Овсянников [6].

В семье бывшего крепостного крестьянина, владевшего затем слесарно-механической мастерской, родился А.А. Заварзин, ставший в 1916 г. профессором гистологии Пермского отделения Санкт-Петербургского университета [10].

В конце XIX в. больше всего среди отечественной профессуры было выходцев из служилой части дворянства (основной вклад в формирование российской профессуры внесли

семьи военных, чиновников гражданских государственных учреждений, учителей, врачей, инженеров, юристов).

Доля выходцев из духовенства среди профессуры российских вузов в течение XIX в. постоянно возрастала, что даёт основание говорить о значительном вкладе духовенства в становление российской профессуры. Число выходцев из духовенства в разных провинциальных вузах России существенно колебалось, так, в Императорском Томском университете в начале XX в. их было около 30%, а в Императорском Казанском университете — в 2 раза меньше [6, 15].

В советский период в связи с активной антирелигиозной политикой государства доля священнослужителей среди населения как СССР в целом, так и России в частности, резко снизилась, а представительство выходцев из духовенства среди профессуры стало приближаться к нулю.

Надо также отметить, что в XIX в. среди профессоров российских вузов не было ни одной женщины. Это было связано с тем, что только в конце XIX в. женщины были допущены к обучению в высших учебных заведениях России. В советский и постсоветский периоды (в конце XX — начале XXI в.) доля женщин среди отечественной профессуры провинциальных вузов стала приближаться к 30% [5, 6, 15, 16].

За советский период среди профессуры морфологических кафедр отечественных медицинских вузов существенно возросла доля представителей рабочих и крестьян, так, например, в Оренбургском медицинском институте — Оренбургской медицинской академии их совокупная доля составила около 30 процентов [17].

Как и в XIX в. основной вклад в формирование профессуры вносили служащие, в конце XX в. доля выходцев из семей служащих превышала 50% в большинстве вузов. Стали формироваться профессорские династии как в столичных вузах, так и во многих провинциальных.

За советский период существенно возросла интенсивность труда профессора. Особенно наглядно это наблюдается на примере увеличившейся почти в 3 раза учебной годовой нагрузки профессора отечественного вуза в период с 30-х годов до конца XX в. В постсоветский период учебная нагрузка профессорско-преподавательского состава вузов России несколько не снизилась. Так, в 30-е годы XX в. учебная годовая нагрузка профессора советского вуза была 220 ч., а в начале XXI в. — 650 ч. [4, 12]. Таким образом, объём учебной нагрузки отечественных профессоров в настоящее время примерно в 3 раза превышает аналогичную нагрузку профессоров зарубежных университетов Европы и Америки. Известный отечественный цитолог Ю.И. Полянский говорил, что преподавателю невозможно полноценно заниматься наукой, если его годовая учебная нагрузка превышает 200 ч. При этом, чиновники, руководящие перестройкой высшего образования в современной России, декларируя приверженность основным принципам европейского высшего образования, говоря о необходимости унификации программ, учебных планов и т. д. (в свете Болонской конвенции), о том, что в европейских вузах учебная нагрузка профессоров в несколько раз ниже, почему-то не упоминают.

Материальное обеспечение отечественной профессуры в дореволюционной России было неплохим [15].

С.Ф. Фоминых [15] отмечает, что профессора Томского университета из-за неблагоприятных условий службы в Сибири (суровый климат, удалённость г. Томска от других культурных центров России и Западной Европы, что вызывало необходимость дорогостоящих поездок для пользования библиотеками, музеями и другими вспомогательными учреждениями для научной работы или просто для более живого

непосредственного общения с представителями своей специальности и др.) пользовались определёнными привилегиями. Так, они получали полutorное содержание по сравнению с профессорами университетов Европейской части России. Экстраординарные профессора имели оклад 3000 руб. в год, а ординарные — 4500 руб. Это более чем в 10 раз превышало заработную плату чиновников среднего уровня либо высококвалифицированных рабочих того времени. Например, архивариус при Оренбургской городской управе с 1879 г. имел денежное содержание 300 руб. в год [13], а ныне заработная плата профессора равна средней зарплате рабочих в промышленности. При этом, к основному содержанию по истечении 5 и 10 лет профессору были положены прибавки в размере 20% и 40% жалования на основании общего положения о гражданской службе в Сибири. Следует отметить, что, помимо основного жалования, большинство профессоров в дореволюционной России имели и иные источники дохода. Так, они получали гонорар от сборов со студентов за лекции, который у некоторых профессоров доходил до 1000 руб. Кроме того, как правило, помимо университета, профессора преподавали и в других высших и средних учебных заведениях, занимались частной медицинской практикой.

Особо следует обратить внимание на пенсионное обеспечение дореволюционной профессуры в вузах Сибири. Пенсия за 25 лет службы (за 20 лет службы в Сибири) назначалась для ординарного профессора в размере 2400 руб., а за 30 лет службы (25 лет службы в Сибири) — 4500 руб. [16].

В Советском Союзе превращение профессии вузовского преподавателя в массовую профессию отчасти снизило её престиж в сравнении с дореволюционным периодом. Избрание на должность профессора университета в дореволюционной России давало право на высокий чин и на потомственное дворянство. Большинство профессоров в конце XIX в. имели чин 5-го класса (статский советник). Так, среди профессоров Томского университета статскими советниками были гистологи А.С. Догель, А.Е. Смирнов, С.Г. Часовников, анатом Н.М. Малиев. Бывший ректором этого университета профессор зоологии и сравнительной анатомии Н.Ф. Кащенко имел чин 4-го класса (действительный статский советник) [15].

Не обходили в дореволюционный период профессоров университетов и государственные (царские) награды. Так, за период службы на кафедре гистологии в Томском университете в 1888–1895 гг. А.С. Догель был удостоен ордена Святого Станислава III степени (1891 г.). Его приемник по кафедре А.Е. Смирнов был удостоен орденов Святой Анны III и II степени (1899 и 1905 г.) и орденов Святого Станислава III и II степени (1895, 1903 г.). Пришедший после него на кафедру гистологии С.Г. Часовников был награждён орденом Святой Анны II степени (1899 г.) и двумя орденами Святого Станислава (III и II степени). Профессор по кафедре анатомии Н.М. Малиев удостоен орденов Святой Анны (II и III степени), ордена святого Станислава II степени (1885 г.) и ордена Святого Владимира IV степени (1896 г.). Профессор Н.Ф. Кащенко за период работы на кафедре зоологии и сравнительной анатомии в Томском университете был награждён орденами Святой Анны II степени (1899 г.), Святого Станислава II степени (1894 г.), Святого Владимира IV степени (1906 г.). В.И. Разумовский за дореволюционный период работы на морфологических и хирургических кафедрах университетов в г. Томске и г. Саратове был награждён орденами Святого Владимира III и IV степени, Святой Анны I, II и III степени, Святого Станислава I, II и III степени. Профессор кафедры

гистологии и эмбриологии Императорского Николаевского университета в г. Саратове В.А. Павлов за дореволюционный период службы был награждён орденами Святой Анны II степени, Святого Владимира IV степени, Святого Станислава III степени [10, 14, 15]. В советский период профессоров провинциальных вузов награждать стали реже. Так, из более двух десятков профессоров, работавших в период с 1944 г. по настоящее время в Чкаловском (Оренбургском) медицинском институте — Оренбургской медицинской академии, лишь трое были удостоены орденов («Знак Почёта») за научно педагогическую работу в вузе (Ф.М. Лазаренко, И.И. Косицин, С.С. Михайлов) [1, 17]. Ныне, в постсоветский период, награждение профессорско-преподавательского состава орденами России происходит чрезвычайно редко. Например, никто из профессоров морфологических кафедр как Оренбургского медицинского вуза, так и других вузов региона за последние 20 лет не были награждены орденами.

Значительное ухудшение материального положения профессоров в годы Первой мировой и Гражданской войн, а также в 20-е годы XX в. сменилось в период 30–80-х годов относительным материальным благополучием (за исключением периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., когда тяжело было всем жителям страны). Наиболее высокой заработная плата профессоров была в период 50–70-х годов XX в. На фоне резкого снижения зарплаты в постсоветский период материальное положение и престиж должности профессора стали снижаться в 90-е годы XX в. Небольшое относительное повышение материального благополучия снова стало наблюдаться в первое десятилетие XXI в. (хотя и на более низком уровне в сравнении с 50–70-ми годами XX в.). Ныне зарплата профессора уже не достигает зарплаты лейтенанта в армии или в полиции.

Уменьшение зарплаты профессоров в 90-е годы на фоне многократно и резко выросших цен на научные периодические издания привело к тому, что большинству профессоров подписка на необходимые для работы и ранее выписываемые ими журналы стала недоступной. Возникший информационный голод пока не в полной мере компенсируется электронными источниками информации. Следует также отметить, что на фоне снижения платёжеспособности профессорско-преподавательского состава вузов резко (в разы) упали тиражи всех отечественных научных журналов.

Например, тираж журнала «Онтогенез» в 1993 г. был 466 экземпляров, а в 2009 г. — всего 132 экземпляра. Журнал «Цитология» выходил в 1993 г. тиражом 761 экземпляр, а в 2009 г. — 232 экземпляра. Низкие тиражи были в 2009 г. и у многих других научных журналов биологического профиля, например: «Известия РАН. Серия Биологическая» — 294 экземпляра, «Успехи современной биологии» — 308, «Зоологический журнал» — 314 экземпляров, «Журнал эволюционной биохимии и физиологии» — 143 экземпляра. Практически не улучшилось положение с тиражами и в 2010 г.

Если в первых российских университетах, основанных в XVIII в. — Академическом (существовавшем в 1748–1766 гг. при Императорской академии наук в Санкт-Петербурге) и Московском (открытом в 1755 г.), было значительное число иностранных профессоров [18], то по мере подготовки отечественных кадров их доля снижалась. В XIX в. в Императорских университетах России большинство профессоров имели российское подданство [5, 6, 15, 16]. Например, на морфологических кафедрах медицинского факультета в Императорском Казанском университете в первой половине XIX в. в должности профессоров работали ряд иностранцев,

среди них — И.О. Браун в 1807–1819 гг. занимал кафедру анатомии, физиологии и судебной врачебной науки, а в 1832–1837 гг. эту же кафедру занимал Ф.В. Берви (в 1837–1858 гг. он был профессором кафедры физиологии этого университета). Ф.В. Берви был последним иностранным подданным, занимавшим кафедру анатомии. С 1837 г. эту кафедру занимали только россияне. В Императорском Томском университете, который начал работать в конце XIX в. (с 1888 г.), иностранцев в числе профессоров морфологических кафедр уже не было.

В XVIII — начале XIX в. преподавание ряда предметов велось не на русском языке, так как эти предметы преподавали иностранцы. При этом, примерно до середины XIX в. диссертации магистров и докторов на медицинских факультетах были написаны на латинском языке, на латыни же шла и защита. Однако уже во второй половине XIX в. русский язык стал не только языком преподавания, но и языком науки (исключением может служить лишь Дерптский — Юрьевский университет).

В XIX в. профессиональное становление профессора было более ранним. Большинство профессоров морфологических кафедр медицинских факультетов Императорских университетов Поволжья и Сибири в XIX — начале XX в. на момент их вступления в профессорскую должность были моложе 40 лет. Так, в Казанском университете К.А. Арнштейн в 1871 г. был избран экстраординарным профессором по кафедре гистологии в 31 год, П.С. Карейша в 1924 г. стал экстраординарным профессором Казанского университета по кафедре анатомии, физиологии и судебной врачебной науки в 28 лет. А.А. Заварзин в 1916 г. стал профессором гистологии в Пермском филиале Санкт-Петербургского университета в 30 лет, А.С. Догель в 1888 г. стал экстраординарным профессором по кафедре гистологии Императорского Томского университета в 36 лет, после его отъезда в Санкт-Петербург на его место в 1895 г. был избран А.Е. Смирнов в возрасте 36 лет. Н.Ф. Кашенко в 1888 г. был избран на должность экстраординарного профессора в Императорском Томском университете по кафедре зоологии и сравнительной анатомии в 33 года, Г.М. Иосифов в 1906 г. стал экстраординарным профессором Томского университета по кафедре нормальной анатомии в 36 лет [6, 9, 15, 16].

Ныне средний возраст профессоров морфологических кафедр во многих (если не в большинстве) провинциальных медицинских вузов превышает 60 лет. Например, на кафедре гистологии, цитологии и эмбриологии Оренбургской государственной медицинской академии средний возраст профессоров на начало 2011 г. был 60,3 года, а на кафедре оперативной хирургии и клинической анатомии — 64,8 года.

Одним из важных моментов подготовки профессора в дореволюционной России были стажировки в ведущих зарубежных университетах. При этом, большинство готовящихся к профессорскому званию посылали за границу за казённый счёт. Ныне поездки за границу для стажировки в ведущих университетах для большинства как профессоров, так и для готовящихся ими стать, стали недоступны.

С начала XIX в. и по настоящее время наблюдается повышение научной продуктивности профессоров морфологических кафедр медвузов. Если в XIX — начале XX в. количество опубликованных научных работ у профессоров не превышало несколько десятков (нередко всего несколько публикаций за весь период работы на кафедре), то в настоящее время число опубликованных научных работ профессоров морфологических кафедр исчисляется сотнями.

Однако следует отметить, что индекс цитирования у большинства отечественных профессоров периферийных вузов не высок. Не может также не беспокоить наметившееся в последние десятилетия снижение числа фундаментальных работ и переключение на решение прикладных задач. Не следует упускать из виду то, что фундаментальные исследования решают не сиюминутные задачи и от их развития зависит решение стратегических задач будущего.

Следует подчеркнуть, что наблюдающееся повышение продуктивности научного труда происходило на фоне снижения финансирования научно-исследовательской работы в вузах. Вероятно, и в будущем существенного увеличения финансирования в периферийных вузах ждать не следует, поскольку основные федеральные средства, инвестируемые в модернизацию образования, распределяются среди столичных вузов, а также среди небольшого числа федеральных и исследовательских университетов.

Как в XIX в., так и в XX–XXI вв. для профессоров провинциальных российских медицинских вузов и факультетов характерной чертой являлась многолетняя работа на одном месте, в отличие от профессоров европейских университетов, где зачастую более одного-двух выборных сроков не работали на одном месте (на одной кафедре) даже выдающиеся учёные [3]. Например, испанский гистолог С. Рамон-и-Кахаль (1852–1934 гг.) за свою преподавательскую и научную карьеру сменил ряд морфологических кафедр в испанских университетах (кафедра анатомии университета в г. Сарагосе в 1875–1884 гг., кафедра общей и описательной анатомии университета в Валенсии в 1884–1887 гг., кафедра гистологии и патологической анатомии университета в г. Барселоне в 1887–1892 гг., кафедра гистологии и патологической анатомии университета в г. Мадриде с 1892 г. и до отставки) [7].

Реформирование высшей школы непосредственно затрагивает интересы и морфологических кафедр. Высшая школа с большими трудностями вписывается в складывающиеся рыночные отношения. Образовательная деятельность на кафедрах морфологического профиля и рыночные отношения очень плохо совместимы (если вообще совместимы). Положение на морфологических кафедрах усугубляется ещё и тем, что новые программы существенно снижают объём времени, приходящийся на морфологические дисциплины, которые относятся к фундаментальным. Однако и в этих условиях длительного (практически в течение всего постсоветского периода) реформирования отечественной высшей школы одной из приоритетных задач профессуры является сохранение и преумножение того богатого наследия, тех научных и педагогических традиций, которое нам оставили предыдущие поколения представителей отечественной высшей школы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив Оренбургской медицинской академии. Описание 1, св. 4, дело 222.
2. Архив Пермской медицинской академии. Фонд Р-180, описание 1, дела 3, 13–36, 1027.
3. Бабий Т.П., Коханова Л.Л., Костюк Г.Г. и др. Биологи. Биографический справочник. Киев, Наук. думка, 1984.
4. Государственный архив Оренбургской области. Фонд 860, описание 3, ед. хранения 2, л. 45.
5. Железнов Л.М. Российские анатомы XVIII–XIX веков: Биографический справочник. Оренбург, Оренбургск. кн. изд-во, 2008.
6. Казанский государственный медицинский университет (1804–2004 гг.). Заведующие кафедрами и профессора: Биографический словарь. Под ред. В.Ю. Альбицкого и Н.Х. Амирова. Казань, Магариф, 2004.
7. Кахаль С.Р. Автобиография (воспоминания о моей жизни). М., Медицина, 1985.
8. Ляхович Е.С. и Ревушкин А.С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1998.
9. Невмывака Г.А. Алексей Алексеевич Заварзин. Л., Наука, 1971.
10. Нуштаев И.А. Василий Иванович Разумовский (1857–1935). Вестн. хир., 2000, № 3, с. 9–11.
11. Сапин М.Р., Сатюкова Г.С. и Швецов Э.В. Морфологи России в XX веке: Кто есть кто в анатомии, гистологии, эмбриологии. М., АПП «Джангар», 2001.
12. Стадников А.А. и Шевлюк Н.Н. Очерк жизни и научного творчества основателя оренбургской школы гистологов члена-корреспондента АМН СССР Ф.М. Лазаренко (1888–1953). Екатеринбург, Изд-во УрО РАН, 2003.
13. Судоргина Т. Царское величество повелевает иметь два архива. Вечерний Оренбург, 2011, № 10 (884), 11 марта, с. 12.
14. Таскаев И.И. и Семченко В.В. Исторические этюды по морфологии Сибири. Омск, Омск. обл. типография, 2003.
15. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Берцун Л.Л. и др. Профессора Томского университета: Биографический словарь (1888–1917, вып. 1), Томск, Изд-во Томск. ун-та, 1996.
16. Фоминых С.Ф., Некрылов С.А., Грибовский М.В. и др. Профессора медицинского факультета Императорского государственного Томского университета — Томского медицинского института — Сибирского государственного медицинского университета (1878–2003): Биографический словарь. Томск, Изд-во Томск. ун-та, 2004, т. 1, т. 2.
17. Шевлюк Н.Н. и Стадников А.А. Оренбургская государственная медицинская академия: Биографический словарь профессоров и доцентов (1994–2004). Оренбург, ОАО ИПК «Южный Урал», 2005.
18. Штранге М.М. Демократическая интеллигенция России в XVIII веке. М., Наука, 1965.